

В Минске открылся II Международный рождественский оперный форум.

Постановкой «Травиаты» Московского музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко в Минске открылся II Минский международный рождественский оперный форум. Первый спектакль форума прошел при полном аншлаге. Главную партию в опере исполнила Хибла Герзмава – примадонна Театра имени Станиславского и Немировича-Данченко, а также приглашенная звезда Парижской оперы, «Метрополитен оперы» и «Ковент Гарден». Дирижер-постановщик «Травиаты» Феликс Коробов отметил, что эта «Травиата» – одна из 10 самых популярных опер, а Хибла – фантастическая певица, работать с которой – «настоящее музыкальное счастье». Феликс Коробов тепло отозвался об оркестре Белорусского театра оперы и балета, с которым ему довелось сотрудничать.

* * *
«Древности Геркуланума» в Эрмитаже покажут бесплатно.

Античный город Геркуланум, как Помпея и Стабия, погиб во время извержения Везувия в 79 году н. э. Древние интерьеры в результате археологических раскопок были открыты в XVIII веке. В Главном штабе Эрмитажа представлены экспонаты из так называемого Августеума, здания, где проходили церемонии императорского культа. Около 40 экспонатов, в основном фрески и скульптуры из Национального археологического музея Неаполя. Большая часть фресок посвящена сюжетам, связанным с подвигами Геракла, который, по преданию, основал город. Также здесь выставлены скульптуры императоров Августа и Клавдия. Кураторы подчеркивают, что экспонаты Геркуланума оказали большое влияние на российское искусство. Сходство с античными фресками можно увидеть в росписях Чарльза Кэмерона в Екатерининском дворце в Царском Селе, а знаменитый «везувийский сюжет» нашел отражение в знаменитой работе Карла Брюллова.

* * *
17 декабря в Беларуси отметили День белорусского кино.

Дата неслучайна – 17 декабря 1924 года вышло постановление СНК «О кинопроизводстве в БССР». В тот же день при Наркомпросе было создано Государственное по делам кинематографии и фотографии – «Белгоскино». А с 1994 года 17 декабря указом президента объявлено Днем белорусского кино. Первым белорусским фильмом стала историко-революционная картина «Лесная быль» Юрия Тарича по повести Михаила Чарота (1926 г.), а в 1928 году появилась киностудия «Советская Беларусь» – прародительница «Беларусьфильма». Белорусский кинематограф подарил зрителям немало хороших картин – «Красные листья» Корш-Саблина и «Альпийскую балладу» Бориса Степанова, «Люди на болоте» Виктора Турова и «Из ада в ад» Дмитрия Астрахана, фильмы «Поводырь», «Дунечка», «Брестская крепость». Наиважнейшую роль в процессе продвижения белорусского кино на международном уровне играет Минский МКФ «Лістапад».

* * *
Завершился молодежный кинофестиваль «Будем жить!». На фестиваль, проводящийся при поддержке Департамента семейной и молодежной политики г. Москвы, Союза кинематографистов России и других организаций, было прислано более 200 заявок на участие, из них в конкурсную программу было отобрано 63 игровых и документальных фильмов. В конкурсе приняли участие молодые кинематографисты, студенты и выпускники ВГИК, ВКСР, СПбГУКиТ, ВШТ МГУ, ГИТР, МГУКИ и многих других творческих вузов, а также режиссеры из Франции, Китая, Киргизии, Эстонии. Конкурсные и внеконкурсные показы, прошедшие в кинотеатрах «Художественный» и «Мир искусства», посетили тысячи зрителей, увидевшие молодежное позитивное кино. Кроме того, в рамках фестиваля состоялись мастер-классы знаменитых кинематографистов: Петра Мамонова, Юрия Каря, Александра Адабашяна.

Как заявил президент фестиваля, депутат Мосгордумы, народный артист России Евгений Герасимов, уже в следующем году фестиваль, возможно, будет иметь статус международного.

На Большой Никитской, 46

Улица Большая Никитская в Москве, как ее называли в прошлые времена – «улица аристократов», настоящий музей под открытым небом. Почти все здания на ней исторические. Дом №46, представляющий собой ансамбль, сложившийся в конце XVIII – начале XX веков, не исключение. Построил его в 1782 году подполковник Петр Иванович Бибиков. С 1800 по 1859 год усадьбой владел князь Б.М. Черкасский, у которого в 1845-1855 годах дом снимала родовитая семья князей Васильчиковых, один из детей которых еще с петербургских времен был воспитанником Николая Васильевича Гоголя. Обитателям этого семейства довелось быть первыми слушателями ранних произведений писателя. А позднее, проживая по соседству в Москве, Гоголь бывал на «больших вечерах» у Васильчиковых, принимая участие в спорах «западников» со «славянофилами». По воспоминаниям современников, на вечерах бывали Ф.И. Тютчев, М.С. Щепкин, И.К. Айвазовский, С.М. Соловьев, В.А. Соллогуб.

В более поздние времена дом сменил не одного владельца. С 1881 года им владел банкир и промышленник Л.С. Поляков, используя как доходный дом. Главный дом, значительно перестроенный, с 1903 года занимала женская гимназия К.К. Алепековой. Сегодня в здании усадьбы располагается Московский союз музыкантов, который и занимается его реставрацией.

Именно в этом доме в 20-х годах жил Михаил Булгаков. На экскурсию сюда мы приходили с Еленой Андреевной Земской, профессором Института русского языка, племянницей и крестницей Михаила Булгакова, которая родилась в этом доме и провела здесь первые нежные годы жизни. В 20-х годах мать Елены Андреевны, Надежда Афанасьевна Земская, была директором той самой гимназии, которая располагалась в этом доме. И еще до рождения Лены недолгое время в нем жил со своей второй женой Любовью Белозерской будущий автор «Мастера и Маргариты».

...Надежда появилась на свет года через два после самого старшего – Михаила и, единственная из семерых детей Булгаковых, решившись на получение образования в Москве. Поступила на Высшие женские курсы, где обучали те же преподаватели, что и в Московском университете. Работая в студенческом издательстве, Надежда Булгакова познакомилась с будущим мужем Андреем Земским, студентом университета. Закончив обучение, молодые люди поженились. Шла война, Андрей был призван в армию. Ему как вольноопределяющемуся удалось попасть в артиллерийское училище в Киеве, поближе к Андреевскому спуску, 13, где проживала дружная семья Булгаковых. Там в 1916 году он и познакомился с молодым врачом Михаилом Булгаковым, выпускником медицинского факультета Императорского университета святого Владимира. Молодые люди подружились. Из Киева Андрея Земского, в звании прапорщика, направили на службу в Царское Село, и молодые люди прожили несколько лет там. Вернувшись в Москву, стали работать по специальности, Андрей Михайлович преподавал на рабфаке МИИТА, стал автором учебников по русскому языку, а Надежда Афанасьевна работала в школе, обучая языку не только детей, но и взрослых. Тех, кто вернулся с фронтов войны, приехал из-за рубежа.

С Земскими Михаил Афанасьевича связывали близкие родственные отношения. Миша и Андрейша, как называли их в семьях, действительно были друзьями, и у Елены Андреевны сохранилась фотография Михаила Афанасьевича, на которой прямо по лицу, как он любил подписывать фотографии даже в ту пору, когда еще хорошо видел, написано: «Андрюша, скажи Наде, чтобы она не прятала эту карточку в корзину, а повесила над твоей постелью. И у тебя будет тихая и дешевая радость». То есть фото адресовано было скорее зятю, чем сестре.

Михаил Афанасьевич дружил и со старшим братом Андрея Земского – Борисом, который работал в Институте им. Жуковского, был профессором авиации. В тяжелые 20-е годы Борис Земский немало помогал Булгакову, устраивая того на работу в авиационные издательства. Человек сугубо деловой и практический хвяти, он хорошо понимал суть «филологической» натуры родственника, но вряд ли, подобно окружающим, догадывался о мере таланта. Михаил Афанасьевич любил семью Боба – так близкие звали Бориса, и у Елены Андреевны сохранилось письмо, в котором он пишет, что приходил в гости к Борису и видел, «что у Боба все прекрасно: горит печка, есть еда, его жена Мария Даниловна

прекрасная хозяйка. Вовка (сын Бориса. – *Н.К*) ходит по потолку».

Марья Даниловна была женщиной со связями, и именно она устроила в свое время чете Земских комнату в квартире №50 по Садовой улице,10, которая всему миру известна теперь как «нехорошая квартира». Да-да, в той самой «нехорошей квартире» жили вначале супруги Земские, а потом квартировал вместе с первой женой Татьяной Лаппа Михаил Булгаков, комната перешла ему по наследству. Вот этой квартире повезло – мало того, что ей посвящена глава в «Мастере и Маргарите», в ней происходит действие многих рассказов Булгакова 20-х годов. Елена Андреевна особенно любит один из них – «Псалом» – про мальчика и одинокого мужчину, соседей по этой квартире. Так пронзительно звучит голос одинокого мужчины – спустя восемь десятков лет – и так многое объясняет в устройстве души автора «Мастера и Маргариты».

«Это та самая квартира, которая считается сейчас «народным музеем», – говорит Елена Андреевна, – а на мой взгляд, вряд ли она заслуживает этого названия. Ол-нажды я пришла туда с двумя коллегами – русской и итальянкой. На наш звонок дверь открылась, и молодой человек с явно накокаиненными глазами довольно грубо спросил: «Вы к кому?!» Я жутко разозлилась и сказала: «К Михаилу Афанасьевичу!» Он немного опешил и сказал: «Здесь надо платить», на что я ответила: «Простите, я платить не буду, здесь жил мой отец!» И мы вошли в квартиру, посмотрели комнату, потом пошли везде. И впечатление, надо сказать, не было приятным. Когда мы оттуда вышли, итальянка достала какие-то дезинфицирующие салфетки и сказала: «Давайте протрем руки, я чувствую себя отравителем!» Вот такой «народный музей»... Попомните мое слово, никакого музея на Патриарших прудах не будет. Литературный музей возможен на Пироговке, где Булгаков жил с Любовью Евгеньевной, но, к сожалению, это очень труднопробиваемо, нет энтузиастов, которые могли бы этим заняться, разве что Татьяна Rogозовская из киевского Дома Турбиных...»

Немало и драматических событий, в которых эхом отозвался роман «Белая гвардия», выпало на долю семьи Андрея Михайловича и Надежды Афанасьевны Земских. В 1929 году в доме по Большой Никитской, 46, заночевал Леонид Карум, приехавший из Киева, муж Варвары Афанасьевны, третьей сестры Булгакова (прототипы супругов Тальбергов в «Белой гвардии». – *Н.К*). Все бы ничего, но в прошлом Карум был бelyм офицером, и каким-то образом это стало известно соседу Земских. Нетрудно догадаться, что сделал этот «Шариков», чем, собственно, и увековечил свою фамилию в «Собачьем сердце». Леонид Карума арестовали, а следом за ним пришли за Андреем Земским.

Варвара Афанасьевна Карум с дочерью Ириной (та самая трехлетняя племянница, разговор с которой о «дяде Карле пёрном» описал Булгаков в очерке «Киев-город». – *Н.К*) последовала в Новосибирск – поближе к «СИБЛАГУ», где оказалась ее муж, а Надежду Афанасьевну с двумя малолетними дочерьми вскоре выселили из мезонины. Оказались они в бараке на станции Яуза Ярославской железной дороги, в Ростокинском городке Моссовета. Там Лена Земская пошла в школу, а Надежда Афанасьевна, как ни странно, смогла устроиться учительницей.

В этой квартире «без удобства» семья прожила около 30 лет. Туда вернулся после пяти лет лагерей глава семьи, и их родственная дружба с Булгаковым возобновилась. К сожалению, и Михаил, и Андрей умерли еще нестарыми

В 20-х годах здесь жил Михаил Булгаков

ФОТО ЮРИЯ СТРОКОВА

ФОТО ЮРИЯ СТРОКОВА

В интерьерах «нехорошей квартиры»

людьми, с разницей в шесть лет: в 1940 году – Михаил Афанасьевич, в 1946-м – его зять.

Надо сказать, что дети Булгаковы сумели сохранить во взрослой жизни привычки своего теплого киевского дома с Андреевского спуска, 13. Елена Андреевна и дом на Большой Никитской 46, заночевал Леонид Карум, приехавший из Киева, муж Варвары Афанасьевны, третьей сестры Булгакова (прототипы супругов Тальбергов в «Белой гвардии». – *Н.К*). Все бы ничего, но в прошлом Карум был бelyм офицером, и каким-то образом это стало известно соседу Земских. Нетрудно догадаться, что сделал этот «Шариков», чем, собственно, и увековечил свою фамилию в «Собачьем сердце». Леонид Карума арестовали, а следом за ним пришли за Андреем Земским.

Варвара Афанасьевна Карум с дочерью Ириной (та самая трехлетняя племянница, разговор с которой о «дяде Карле пёрном» описал Булгаков в очерке «Киев-город». – *Н.К*) последовала в Новосибирск – поближе к «СИБЛАГУ», где оказалась ее муж, а Надежду Афанасьевну с двумя малолетними дочерьми вскоре выселили из мезонины. Оказались они в бараке на станции Яуза Ярославской железной дороги, в Ростокинском городке Моссовета. Там Лена Земская пошла в школу, а Надежда Афанасьевна, как ни странно, смогла устроиться учительницей.

рослевшая Лена, ростокинская школьница, не раз приезжала тайно от взрослых. Никакой гимназии здесь уже не было, балкон на втором этаже, куда высыпали ребята на переменах, пустовал, а на доме красовалась табличка: «Минтоп-негр». Лена подолгу стояла у калитки, смотрела на дом и тихонько уходила прочь.

* * *
Отношения Михаила Булгакова с сестрой Надеждой, по воспоминаниям Елены Андреевны, были очень нежными. «Мама раньше друтил, – говорит Е.А. Земская, – поняла особую одаренность дяди Миши, она собирала и хранила с невероятной заботой его архив. Все его вещи, перепечатанные на машинке, письма, фотографии, записки – представляете, даже такая его записка «Буду крестить» – хранились у нас в особом шкафу, он так и назывался – «булгаковским». Огромную роль, конечно, сыграло то, что мама была филологом, а на даче в Буче, оставшейся под дачным и милым Киевом.

Земские единственные из семьи Булгаковых жили за городом, и сестры Вера и Елена с мужьями и детьми, Михаил Афанасьевич часто приезжал в Ростокино. Любимой забавой стал крокет. Крокетное поле – с джамками – устроили рядом с домом, тем более что асфальта там не было – голая земля. Саму игру привезли из Киева, и вечерами играли до темноты. А к до-му на Большой Никитской повз-

сохранности, а у нас там «Записки юного врача», «Мастер и Маргарита» – на листах, в книжку переплетенных, «Собачье сердце», «Батум», «Адам и Ева». Причем мама понимала, что «Собачье сердце» – произведение особенно острое, она говорила: «Я не разрешаю тебе выносить его из дома, хотяб почитать – только здесь». А «Мастера и Маргариту» она дала мне, когда началась эвакуация, и мы должны были уезжать из Москвы. Я как села на диван, так и не поднялась, пока не прочитала. Была потрясена».

«Потом поняла, почему мама решила дать мне роман – мало ли что случится, а вдруг пожар в наше отсутствие?.. И дядя Миша, конечно, с этой же мыслью ея отдавал: чтобы сестра знала, что он пишет, и чтобы было еще одно место хранения рукописей». Слушаю Елену Андреевну и понимаю, что в этом разгадка таинственной фразы – «Рукописи не горят». Потому и не горят, что хранится не в одном экземпляре. До такой душевной дрожи был пережит Булгаковым тот ночной акт в доме на Тверском бульваре, когда в злосчастном камине сгорела единственная рукопись второго тома «Мертвых душ». И мир никогда ничего не узнал о ней.

* * *
Осталось сказать о страстной любви всех Булгаковых к Киеву – городу, в котором они выросли. Все они ездили навещать его, Михаил Афанасьевич несколько раз, а Надежда Афанасьевна, выйдя на пенсию, – каждое лето. Самое ин-

тересное, что Елена Андреевна полетела знакомиться с Киевом уже взрослой женщиной, имевшей детей, – первый раз ее возили туда несмышленышем и она ничего не помнила. Полетела без провожатых и гидов, пренебрегла даже помощью одноклассника, ставшего киевлянином и вызвавшего покаяние ей Дом Турбиных. «И вот я шла к Андреевскому спуску, – рассказывает Е.А. Земская, – и ноги сами несли меня туда, куда нужно. Я сразу нашла этот дом и вошла к Инне Васильевне Кончаковской, дочери хозяина дома еще той поры, когда жили в нем Булгаковы. Я вошла и сказала: «Я – Лена Земская». Она объяла меня, стала целовать. А потом говорит: «Леночка! За что же Миша так обидел моего отца (выведен в «Белой гвардии» в ироническом образе Василисы. – *Н.К*)?!» И мне с ходу пришлось объяснять разницу между реальным человеком и образом художественного произведения, приводя в пример Карума, ставшего прототипом Тальберга, который не бросал Варвару Афанасьевну и не бежал в Германию.

Елена Андреевна знала всех трех жен Булгакова и утверждает, что были они «разные», но во всех трех «были какие-то общие черты, которые и привлекали Михаила Афанасьевича». И едва ли не «царственность» была для всех этой «общей» чертой. «И Тася (Татьяна Лаппа. – *Н.К*) была умна и красива и, в известной мере, царственна, и Любовь Евгеньевна, с которой мы были очень дружны, когда Михаил Афанасьевич уже не было на свете, и Елена Сергеевна, которую совершенно справедливо считают прототипом Маргариты. Интересно, что Елена Сергеевна была дамой насколько царственной, настолько и хозяйственной – могла и полы вымыть, и держаться как королева, в ее доме всегда было чисто, красиво, стол сервирован, и, если домработницы не было дома, когда я приходила в гости, она надевала перчатки и очень ловко готовила обед сама. Иногда в прихожей встречал меня дядя Миша – в длинном халате, высокий, веселый и всегда угощал шоколадкой. ...Могу заметить на полях, что близкие Михаила Булгакова лучшей его женой считали «киевскую» – Татьяну Лаппа, которая, несмотря на пережитые обиды, оставила достойные воспоминания о дяде Мише и никогда не говорила о нем плохо».

Перед смертью Михаил Булгаков хотел видеть Тасю, просил, чтобы сестра Елена разыскала ее. Он звал ее, он просил у нее прощения. Но рассказ о трех женах Булгакова – совершенно особая тема...

Когда Михаил Афанасьевич не стало, Лене Земской было 13 лет, и она хорошо помнит похоронный писателя. Как ехали мартовским днем на грузовике, как остановились перед Художественным театром в Камергерском проезде, как долго гудели в знак траура... Не все одобрили тот факт, что Елена Сергеевна решила на кремацию Мастера. Булгаков был человеком верующим, убеждена Е.А. Земская. Сестры устроили заочное отпевание старшего брата – в Обеденной церкви неподалеку от метро «Кропоткинская».

С годами к могиле Михаила Афанасьевича на Новодевичьем кладбище приходит все меньше близких родственников, знавших его. Кроме Елены Андреевны еще две племянницы, дочери сестер Варвары и Елены. Дети их и внуки знают писателя не только по его книгам, но и по живым семейным преданиям, которые передаются из уст в уста. Они чувствуют себя причастными к большой семье Булгаковых, гордятся своими корнями.

Нина КАТАЕВА